

УДК 81'42:801.81 (=161.1) (575.2)

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС В УСТНЫХ РАССКАЗАХ РУССКИХ
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КЫРГЫЗСТАНА**

Г.Д. Данильченко

Анализируется межкультурный дискурс в устных рассказах русских переселенцев – жителей Кыргызстана.

Ключевые слова: дискурс; межкультурные отношения; устные рассказы; русские переселенцы; повседневные отношения.

**CROSS-CULTURAL DISCOURSE IN ORAL STORIES
OF THE RUSSIAN IMMIGRANTS IN KYRGYZSTAN**

G.D. Danilchenko

The article is dedicated to analysis of the cross-cultural discourse in oral stories of the Russian immigrants – inhabitants of Kyrgyzstan.

Key words: discourse; cross-cultural relations; oral stories; Russian immigrants; daily relations.

Под дискурсом обычно понимается монологически развиваемая языково-речевая конструкция, например, речь или текст. Дискурс связывают с такой активностью в языке, которая соответствует специфической языковой сфере и обладает специфической лексикой. В общем смысле дискурс – это речь, процесс языковой деятельности.

Решающим критерием дискурса оказывается особая языковая среда, в которой создаются языковые конструкции. В соответствии с этим пониманием дискурс – это “язык в языке”, то есть определенная лексика, семантика, прагматика и синтаксис, являющий себя в актуальных коммуникативных актах, речи и текстах.

В теории коммуникации на современном этапе исследуется такая область общения, как “обыденный язык”, роль социальных факторов речевой коммуникации [1]. Дискурс в коммуникативных теориях определяется как цельный текст, актуализация которого обусловлена множественными факторами, в том числе и социальными. Таким образом, дискурс – это такой вид речевой коммуникации, который ориентирован на обсуждение и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений и высказываний ее участников. “Критический анализ дискурса” исходит из того, что тексты являются результатом деятельности людей, функционирующих в определенной социальной ситуации [1, с. 19].

Переселенцам Кыргызстана в научной литературе страны посвящено немало исследований,

но научные ракурсы обыденного дискурса до сих пор являются неизученной областью взаимоотношений местного, кыргызского, населения и славян-переселенцев.

Славянский мир Кыргызстана многолик: еще до того, как началось регулярное переселение славян в Кыргызстан, отмечалось присутствие здесь, на территории, занятой мусульманским и кочевым населением, других народов, которые стремились ужиться с местным населением, построить с ним добрососедские отношения. Сибирский губернатор Г.Х. Гасфорд в первой половине XIX в. поставил перед российскими властями задачу просвещения местного населения. Поводом для такого решения послужила жестокая расправа местного населения с русскими казаками, которых они порубили в степи. Как утверждал впоследствии русский путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский, это было одно из первых столкновений русских с дикоканскими киргизами. Путешествуя по Тянь-Шаню, ученый-путешественник внимательно наблюдал за жизнью местного населения. Заслуживают внимания его отношения с чолоказаками.

Надо сказать, что о “чолоказаках” писал краевед Н.Я. Коншин, упоминая о существовании “двух этнографических групп, именуемых челоказаками или чалаказаками. Первые – ахмировцы, переселенцы из Туркестана. Он отмечает, что они почти не отличаются от чистокровных киргиз; как и последние, называют себя “казаками” и го-

ворят на киргизском языке” [2, с. 226]. Другие – буюнские челаказак, “не имеют ничего общего с ахмировскими”, образовались из беглых татар и “несмотря на частые браки с киргизами буюнцы вполне сохранили татарский тип. Дома, обстановка, одежда, обычаи, язык – все татарское, тогда как ахмировцы, также называемые челаказак (т. е. полукиргизами), говорят по-киргизски и вообще мало отличаются от кочевых киргиз” [2, с. 258].

Казахский ученый С. Бизаков считает, что этнографическая группа под названием чалаказак, проживающая в районе Бишкека и реки Талас, относит себя к представителям киргизской нации [3, с. 248]. По всей вероятности, это подвергшиеся ассимиляции казахи Чуйской долины, ранее входившие в состав Старшего джуза – они называют себя *уйсун-кыргыз* или *чалаказак*. До революции одно из поселений в Семиречье носило название челоказак.

П.П. Семенов-Тянь-Шанский в своих мемуарах делает интересное предположение о том, что чолоказакими называют себя беглые каторжники, обосновавшиеся на этой земле и взявшие себе в жены киргизок: “С тех пор эти русские чолоказак окончательнo поселились на Каратале, обзавелись здесь семьями, получив в жены киргизок, иных похищением с их на то согласия, других – с уплатой калыма. Второму поколению этих чолоказак, происшедшему от смешанных браков с киргизками, уже было от 10 до 17 лет, а недоверчивые сначала их отцы (“выходцы из Ташкени”, как называли они себя) постепенно отважились говорить со мной на родном своем языке, то есть по-русски” [4, с. 86]. Чолоказак сохранили навыки кладки печей, разведения садов, строительства жилищ, изготовления водки, усвоив новые культурные навыки народов, живущих в Средней Азии. Смешанные браки с киргизками делали их проживание не только более безопасным, но и законным, так как второе их поколение, произошедшее от этих браков, полностью усвоило нравы и привычки среднеазиатских народов.

Путешествие Семенова-Тянь-Шанского состоялось в конце 50-х гг. XIX в. Как пишет сам исследователь, русских поселений здесь еще не было. По мнению академика В.М. Плоских, “... первой русской оседлостью на территории Кыргызстана явилось укрепление Ак-Суйское, основанное в 1864 году” [5, с. 3]. С появлением переселенцев начинается активное освоение присоединенных территорий. Приехавшие из Центральной России переселенцы старались установить контакты с местным населением. В материалах архивов полевых практик, регулярно проводившихся студентами Киргизского государственного пединститута, а затем университета, сохранились важнейшие сведения о контактах местного населения с пере-

селенцами-славянами. Ученый-фольклорист Т.М. Буйских, изучившая ценнейший архив Самарина, а также сама принимавшая участие в более поздних экспедициях по изучению истории и культуры славян, проживающих на территории Кыргызстана, пишет о том, что элементы влияния киргизской культуры на русскую не могли не сказаться на повседневной жизни переселенцев. Так, в одной из своих публикаций она отмечает: “Удивительно, как быстро на традиционный русский свадебный обряд русских переселенцев повлиял киргизский свадебный обряд. На это прямо указывает исполнительница: “У нас за девок большой калым брали”. В традиционном русском свадебном обряде калым вообще отсутствует” [6, с. 215]. В дискурсе автора устного рассказа входят слова, которые органично вписываются в речь человека, достаточно долго прожившего в инокультурном окружении. Так, ее рассказ насыщен лексикой, которая выдает в ней жительницу Кыргызстана. Об этом свидетельствуют местные топонимы: Нарын, Мужорт, Каракол, Кашкария, токмацкие яблоки. Рассказчица отмечает и межкультурные отношения с народами, проживающими на этих территориях, указывая на то, что каждый народ торговал чем-то особенным: “Дунгане здесь рыбой торговали. (...) луку привезут, уюм-ягоду. Из Кашкарии кашкарцы-купцы приезжали, урюк, чукуй, сладкую темную ягоду засахаренную, из винограда. Кашкарцы сюда на лошачках, на ослах приезжали. Все больше меняли, кто им чугун старый отдаст, железный разлом или с колес ободья” [6, с. 209]. Важной деталью межкультурного дискурса является ссылка на то, что рассказчица отметила “сначала церковь была из кошмы”, а это свидетельствует о проникновении нового слова и понятия в традиционные русские названия. И понятие это обозначается тюркизмом. Т.М. Буйских комментирует: “Россия не знала подобной церкви” [6, с. 213].

Таким образом, анализ дискурса в устных рассказах самых первых переселенцев свидетельствует о том, что совместное проживание на одной территории способствовало развитию межкультурного взаимодействия, которое выражалось не только в далеко идущих политических планах российского правительства, но и в повседневной культуре переселенцев, в повседневном общении народов, самой историей призванных жить рядом.

Еще одна история, рассказанная известным в Кыргызстане лингвистом, Федором Георгиевичем Коровиным, профессором-филологом, ветераном Великой Отечественной войны, особенно актуально звучит сегодня [7]. В межкультурных отношениях русских и киргизов более чем за 150 лет совместного проживания бывали не только

приятные моменты дружбы и взаимопонимания. В своей истории Ф.Г. Коровин акцентирует внимание на тех человеческих отношениях, которые людей собственно и делают людьми. В нелегкой судьбе коровинского рода, занесенного ветром истории на кыргызскую землю, огромное значение имела встреча и дальнейшая дружба семьи русского переселенца Коровина и кыргызского крестьянина Абдыгула. Эта семейная история Коровиных показательна для всей советской истории русско-кыргызских взаимоотношений. В ней нашли отражение и сложные времена репрессий, насильственной коллективизации, а есть и добрые времена радостной, наполненной любимой работой жизни среди друзей: русских, татар, узбеков, кыргызов.

В своем рассказе Ф.Г. Коровин утверждает, что поводов для конфликтов переселенцев и местного населения не было: “Мой дед Степан поселил свою семью в селе Кара-Балта в 1870 году, когда моему отцу было восемь лет. Земли было много – и пахотной, и для пастбища. Местные киргизы не создавали переселенцам никаких препятствий. С ними всегда можно было договориться” [7, с. 235]. Рассказчик отмечает, что между Егором и Абдыгулом установилась тесная искренняя дружба: Абдыгул помогал Егору, снабжая своих земляков товарами из его лавки в долг. Егор при помощи Абдыгула в совершенстве овладел кыргызским языком, а Абдыгул говорил по-русски свободно, без малейшего акцента. “В семье Коровиных Абдыгула очень любили. Он считался членом семьи: и пил, и ел то же самое, что и другие. Только открыто (чтобы киргизы не знали) не ел свинину” [7, с. 237]. А когда в 1916 г. возник конфликт между русскими и киргизами, то “Егор прятался как раз у киргизов, точнее – у Абдыгула” [7, с. 237].

В рассказе Ф.Г. Коровина представлена история не только русско-кыргызских взаимоотношений, но и то непростое время, когда и русским, и кыргызам жилось одинаково тяжело. Это были первые годы Советской власти, когда прятаться зажиточному человеку приходилось и от белых, и от красных. К 1931 г. сплошная коллективизация в селе Кара-Балта в основном закончилась. Егор Коровин и его жена, Прасковья, с этого времени и до 1934 г. находились в ссылке. А в 1935 г. Егор Коровин умер от инфаркта. “Абдыгул, узнав о смерти Егора, приехал немедленно. Он упал на гроб (упал в буквальном смысле слова) и долго рыдал. А когда его оторвали от гроба, то увидели, что лицо покойника было мокрым от слез Абдыгула” [7, с. 242].

Рассказ Федора Георгиевича, которого я знала лично (он преподавал нам русский язык в КГУ), объективен и скуп на эмоции. Но когда речь идет о простых человеческих отношениях, о проявле-

ниях добра в это нелегкое и даже опасное время, Коровин может найти такие слова, которые даже камень заставят заплакать. Рассказывая свою семейную историю, Ф.Г. Коровин постоянно акцентировал внимание на взаимоотношениях своей семьи, семьи Коровиных и семьи Абдыгула. Когда-то его отец, Егор, нашел невесту для Абдыгула. Жена-красавица Алмабюбю родила ему четверых детей: дочь и три сына. А потом Абдыгул нашел хорошего парня, который стал мужем дочери Егора – Анюты. А впоследствии Анюта нянчила и кормила грудью сына Абдыгула, Урманбека. Анюта научила жену Абдыгула купать и пеленать ребенка, укладывать его в постельку. “В доме Егора детей не различали по национальному признаку. Кормили, купали всех одинаково. Старшие мои сестры нянчили Урманбека также как и других детей” [7, с. 245]. Впоследствии Урманбек стал крупным партийным работником – министром рыбного хозяйства Киргизии. Федор, который после войны работал начальником отдела иностранных языков Министерства народного образования Киргизской ССР, дружил с Урманбеком, которого считал своим “молочным братом”, так как обоих их кормила своей грудью старшая сестра Федора, Анюта. С благодарностью вспоминал Коровин, как Абдыгул спас от болезни его сына Вадика. Целый месяц жил Абдыгул в семье Коровиных, пока не убедился, что ребенок теперь здоров и будет жить.

Рассказывая историю своей семьи, русский профессор Киргизского государственного университета включил в нее жизнь и судьбу простого киргиза Абдыгула и его семьи. Начавшись еще в самом начале XX в., эта дружба двух семей прошла нелегкие испытания временем и выдержала их, потому что строилась она на взаимной любви и взаимоуважении.

Возвращаясь к теме дискурса, хочется отметить, что и лексика этого рассказа, и его семантика, и эмоциональный настрой свидетельствуют о таком межкультурном взаимодействии, которое было характерно для советского периода отношений между народами, когда все народы жили одной семьей, как семья русского переселенца Егора и местного кыргыза Абдыгула.

В данной статье представлены только два устных рассказа, опубликованные благодаря стараниям ученых современного Кыргызстана. Но даже на примере этих небольших нарративных историй мы можем сделать следующие выводы: история взаимоотношений русского и кыргызского народов на территории современного Кыргызстана изначально строилась на принципах уважения и участия в судьбах всех народов, населяющих страну. В межкультурном дискурсе устных рассказов

представлена история взаимодействия народов, основанная на взаимоуважении, что невозможно продекларировать только в официальных документах. Гораздо более объективную и эмоциональную оценку несет в себе повседневный межкультурный дискурс, раскрывающий каждодневные отношения между народами, живущими на одной земле. Устные рассказы и дают нам такой материал, в котором на примерах повседневных отношений раскрывается история многонациональной страны.

Литература

1. Шарков Ф.И. Интегрированные коммуникации: реклама, паблик рилейшинз, брендинг / Ф.И. Шарков. М., 2014.
2. Исследователь Степного края: Избранные труды Н.Я. Коншина: факсимильное издание. Семей: ЦДНИ ВКО, 2009.
3. Бизаков С. Ветви одного могучего дерева (тюркские народы): Историко-этнографические очерки / С. Бизаков. Алматы, 2002.
4. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг.: Мемуары. Т. 2 / П.П. Семенов-Тянь-Шанский. М., 1946.
5. Плоских В.М. Русские в Кыргызстане как объект исторического и этнографического исследования / В.М. Плоских // Русские в Кыргызстане. Бишкек: КРСУ, 2002.
6. Федотова А.П. Автобиографический рассказ / А.П. Федотова; подготовка текста и комментарии фольклориста-этнографа Т.М. Буйских // Русские в Кыргызстане. Бишкек: КРСУ, 2002.
7. Коровин Ф.Г. Мы, Коровины, переселенцы с 1870 года / Ф.Г. Коровин // Русские в Кыргызстане. Бишкек: КРСУ, 2002.